

Стратег или тактик: Д. Лукач и Л. Альтюссер о Владимире Ленине

Научный руководитель – Лукоянов Валерий Витальевич

Шерихова Екатерина Александровна

Студент (магистр)

Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина,

Нижегородская область, Россия

E-mail: katerina_sheka@mail.ru

Марксизм, с самого своего появления не воспринимавшийся в качестве практического руководства многими представителями мирового интеллектуального сообщества, сегодня и вовсе утратил статус прикладного знания, даже в понимании широких масс. Однако такое положение дел не совсем верно отражает существующую диспозицию. Разумеется, классический марксизм обладает ограниченной релевантностью в условиях позднего капитализма, но это вовсе не означает абсолютную его бесполезность, а лишь свидетельствует о необходимости коренного пересмотра устаревших элементов теории. Потребность в решении обозначенной проблемы, отчасти, обусловила рождение такого феномена как неомарксизм. Трудно спорить, что сегодня наступила эра новой истории, а значит - миру нужен новый «Капитал», создание которого, в глобальном плане, и выступает одной из задач неомарксизма. Однако вполне логичным будет предположить, что ввиду ускорившихся темпов изменения реальности, ввиду многоформатности и многозадачности современного общества, а также невероятного технического прогресса, такая объемная задача представляется трудно выполнимой в принципе. Именно поэтому, на наш взгляд, написание нового «Капитала» уже началось, но своеобразным способом: по страницам, каждую новую из которых пишет новый ученый. Видную роль в этом процессе сыграл французский ученый Луи Альтюссер. Творчество исследователя многогранно, однако в формате данного доклада нас интересует его оригинальная позиция в отношении отца российской революции - Владимира Ленина. Обращение к трудам великих предшественников составляет типичную для неомарксизма традицию, или даже способ изучения реальности, заключающийся в пересмотре их идей через призму современного мира. Наиболее будированной является фигура Карла Маркса, реже обращаются к Фридриху Энгельсу, внимание же к наследию Ленина не так популярно в научном мире Запада по вполне понятным причинам. Однако именно Альтюссер не просто возвращает из забвения, но, можно сказать, открывает ленинскую патристику. Нетипичное тяготение европейского философа к ленинской концепции марксизма объяснимо, на наш взгляд, рядом факторов. Во-первых, как мы уже отмечали, возвращение марксистской теории практического смысла - это одна из острых задач неомарксизма на современном этапе, и именно ленинизм являет собой наиболее приближенный к практике вариант марксизма. Во-вторых, Луи Альтюссер, подобно Владимиру Ленину, пережил революционный подъем в своей стране, надеялся на появление новой социальной силы, способной изменить лицо капитализма, но если для России революция 1917 года свершилась, то надежды Франции 1968 года не оправдались. И, наконец, нам представляется важным отметить интерес обоих мыслителей к политике, ведь не только Владимир Ильич рассуждал на сугубо политические темы, но и в архивах Альтюссера хранятся статьи на политическую тематику, например «Проблемы студентов». Более того, французский неомарксист с большим уважением относится к Ленину и как к политику, и как теоретику, и как к личности.

В труде «Ленин и философия» Альтюссер последовательно доказывает весомость вклада вождя пролетариата в диалектический материализм, и даже настаивает на открытии

им новой философской практики. Однако что заставляет философа спустя полвека обратиться к наследию Ленина? Что им движет? Для того чтобы ответить на поставленный вопрос, нам представляется необходимым обратиться к творчеству вождя российского пролетариата, предварительно разделив его на две составляющие: стратегию и тактику.

Несмотря на богатое теоретическое наследие, по нашему мнению, Ленина все же стоит отнести к категории людей-дела, именно поэтому нам следует начать с рассмотрения Ленина, как тактика. Подтверждением нашему тезису служит даже авторский стиль повествования вождя, наполненный сочными, живыми, однако не вписывающимися в привычную интеллектуальную полемику, фразами. К примеру, Владимир Ильич без тени стеснения употребляет выражения вроде «диалектическая сволочь», или Кто-то может усмотреть в этом недостаток воспитания, но мы склонны согласиться с венгерским философом Дьердем Лукачем, по мнению которого Ленин не ограничивал себя ни в словах, ни в действиях потому что для него не существовало морально-этической проблемы в привычном понимании. Следовательно, дело вовсе не в недостатке манерности, а в определенном философском подходе, продиктованном самой реальностью, при котором забота об этике и этикете является бесполезной роскошью.

В «Советах постороннего», небольшой записке от 8 октября 1917 года, Ленин кратко и четко, но фактически пошагово формулирует план захвата власти, в котором фигурирует всем знакомая, уже ставшая афористичной, фраза о захвате телефона, телеграфа, железнодорожных станций и мостов. Однако наше внимание привлекла другая строка ленинского текста, а именно: «переход власти к Советам означает теперь на практике вооруженное восстания», и далее: «отрекаться теперь от вооруженного восстания, значило бы отречься от главного лозунга большевизма (вся власть Советам) и от всего революционно-пролетарского интернационализма вообще». Ленин, спускаясь на уровень конкретных задач, берет курс на особый вид политической борьбы - вооруженное восстание, которое предстает в его понимании не в виде неконтролируемой стихии, но в точном и просчитанном мероприятии, призванном довершить начатое теорией. Спустя полвека Альтюссер проникнется идеями Владимира Ильича и совершит удивительное признание: «... Философия борется за слова, [...] поскольку реальность классовой борьбы представлена “идеями”, которые представлены “словами”. В политической, идеологической и философской борьбе слова - оружие: взрывчатка, транквилизаторы и яды. Иногда вся классовая борьба может быть суммирована в борьбе за одно слово против другого слова. Некоторые слова могут бороться между собой как враги. Другие слова - место неопределенности: ставка в решающем, но нерешенном сражении». Итак, философия для Альтюссера - уже не наука и даже не «наука наук» («теория теоретической практики»), а «классовая борьба в теории». Теория - поле битвы. Многие мысли Владимира Ильича находят положительный отклик в работе Альтюссера, несмотря на непопулярность Ленина в западной философской традиции. Однако причины такого отношения к Ленину лежат не только и не столько в области геополитического противоречия, они сокрыты в другом. И нам, вслед за Луи Альтюссером, представляется важным рассмотреть обозначенную проблему. Итак, впервые этот вопрос Альтюссер поднимает в уже названной нами работе «Ленин и философия». «Между Лениным и официальной философией существует непримиримая вражда, поскольку господствующей философии наступили на любимую мозоль, указали на ее подавленный, глубоко скрытый импульс: политику». Философия, в лице буржуазных ученых, не выдерживает полемики с вождем пролетариата, отказывается от нее, «потому, что такой диалог затрагивает ее самое больное место, оживляет подавленный, загнанный глубоко внутрь и традиционно находящий себе выход в бесплодном философствовании импульс; иначе говоря, чтобы познать себя через теорию, философия прежде должна признать: она — не что иное, как своего рода замещение политики, своего рода

продолжение политики, своего рода пережевывание политики». Итак, философия должна признать: она — не что иное, как своего рода замещение политики. И выясняется, что первым об этом сказал Ленин. И еще: он смог сказать об этом лишь потому, что сам был политиком, и не просто политиком, а вождем пролетариата. Вот почему Ленин непереносим для любителей философской жвачки.

Нужно отметить, что университетская философия, осознавая, какое оскорбление ей нанесено, поначалу все же предпринимал попытку сразить Ленина, растоптав его аргументы, но, поняв в скором времени, что Ленину глубоко безразличны их придирки, перешла к его тотальному игнорированию. А безразличны колкости оказались потому, что Ленин их предвидел, причем задолго. В письме Горькому от 7 февраля 1907 года вождь пролетариата пишет: «я не философ, я недостаточно подготовлен в этой области. Мои формулировки и определения расплывчаты, не вполне отработаны; знаю, философы будут обвинять материализм в «метафизичности». И здесь же Ленин добавляет: «суть не в этом. Я не просто не разделяю их философию, я еще и не философствую так, как они. Философствовать, как они, — значит попусту растрачивать сокровища разума и проницательности, бесконечно пережевывая философскую жвачку. Я же, — говорит Ленин, — отношусь к философии иначе, я воспринимаю ее как практику в соответствии с идеями Маркса, в соответствии с тем, что она есть на самом деле. Полагаю, в этом вопросе я — «диалектический материалист».

Нам кажется интересным отметить здесь личные мотивы Альтюссера для оживления идей Владимира Ильича. Дело в том, что Луи Альтюссер фактически повторит творческий путь Ленина, взойдя на свою философскую Голгофу, на самой вершине которой его будет ожидать свой непримиримый спор с классической философией. Итак, западная интеллектуальная традиция фактически в равной мере наказала своим презрением и Ленина, и Альтюссера, фактически по одной и той же причине: смена парадигмы мышления, при которой самой классической философии отводится весьма скромное место.

Таким образом, мы вновь оказались лицом к лицу с тезисом, с которого начали свое рассуждение, а именно: философия для Ленина и Альтюссера — это не отвлеченный категориальный аппарат, а реальное оружие, первая ступень революционной борьбы. Философия — представитель политики в области теории, точнее, ее представитель при науке, и наоборот: философия — представитель науки в политике, при классах, вовлеченных в классовую борьбу.

Однако, и в таком строго тактическом документе, как «Советы постороннего» Владимир Ильич не забывает о стратегии: он ссылается на авторитет Маркса, подкрепляет свои решения его обоснованиями. В ситуации написания данной записки, когда вождь был ограничен во времени и даже боялся не успеть к собранию: «Я пишу эти строки 8 октября и мало надеюсь, чтобы они уже 9 были в руках питерских товарищей. Возможно, что они опоздают...», он все равно детально нарисовал позицию Карла Маркса по этому вопросу. Ленин рельефно выражает идеи Маркса, облекая их в форму 5 правил, сущность которых сводится к лозунгу, взятому последним у Дантона: «смелость, смелость и еще раз смелость».

Нужно признать, что Ленин очень рано задался стратегической целью, которую, к тому же, и не думал скрывать, а именно превращение империалистической войны в гражданскую. Мышление в категориях стратегии, необходимое Владимиру Ильичу в годы, предшествующие революции, останется присущим ему до конца жизни.

Луи Альтюссер сосредотачивает свое внимание именно на стратегии Ленина, его интересует интеллектуальная, философская дискуссия между вождем русской революции и лигой классической европейской профессуры. На наш взгляд, это объяснимо тем, что сам Альтюссер не был практикующим революционером. Более того, и теоретиком революции

французский неомарксист не являлся. Так, мыслитель вовсе не уделяет внимания тактике Ленина, для анализа которой мы вынуждены обратиться к Дьердю Лукачу. И хотя предметом нашего исследования выступает Ленин в понимании Луи Альтюссера, обращение к Лукачу обоснованно нашим стремлением показать эволюцию неомарксизма в этом вопросе. Дьердь Лукач интересен нам как один из столпов неомарксизма, фактически его отец-основатель, Альтюссер же олицетворяет собой последний дрейф этого течения, причем достаточно сильно окрашенный национальными особенностями.

Безусловно, в оценке вклада Ленина в развитие марксистской теории, Лукач солидарен с Альтюссером. «Ленин — величайший мыслитель из всех, кого выдвигало революционное рабочее движение со времен Маркса» — пишет он в работе «Ленин. Очерки о взаимосвязи его идей». Однако если Альтюссер провозглашает величие Владимира Ильича, исходя из его теоретического наследия, то Лукач апеллирует к его практическим заслугам, ведь он твердо довел дело до конца «в сравнении с теми, кто теоретически провозгласил пролетарскую революцию актуальной и трусливо увильнул от нее, когда она стала актуальной практически». Лукач по достоинству оценил тактику Ленина, усмотрев в ее основании некий постулат, который и позволил ей стать столь успешной. Дьердь пишет, что Ленин «подошел к этой проблеме с центральной в теоретическом отношении и потому с практически решающей стороны — со стороны организации». Дьердь Лукач настаивает на том, что именно Ленин свел воедино теорию и практику, добившись, тем самым, реализации заветов самого Маркса: «Реализм Ленина, его "реальная политика" означают, следовательно, окончательную ликвидацию всяческого утопизма, означают конкретно-содержательное выполнение программы Маркса — дать теорию, ставшую практической, дать теорию практики. Ленин сделал в отношении проблемы социализма то же, что в отношении проблемы государства, — он вырвал ее из прежней метафизической изоляции, избавил ее от обуржуазивания и включил во всеобщую взаимосвязь проблем классовой борьбы».

Итак, перед нами два различных подхода к оценке вождя пролетариата, первый из которых представляет его как талантливого стратега, а второй — как блестящего тактика. Очевидным обоснованием различия между подходами может служить банальное различие авторов по роду их деятельности. Однако на наш взгляд, причины стоит искать гораздо глубже, а именно в исследовательских методах мыслителей. Так, центральным понятием в философии Лукача выступает категория тотальности, согласно которой марксизм рассматривается ученым как единый и неделимый метод. Именно этот метод Лукач и применяет к ленинизму: «Подобно Марксу, Ленин никогда не "обобщал" локальный российский опыт. Напротив, взглядом гения он распознал коренную проблему нашей эпохи там и тогда, где и когда она впервые обнаружила себя, — проблему надвигающейся революции. И уже вслед за тем он понимал и делал понятными все явления, будь то российские или интернациональные, исходя из этой перспективы актуальности революции». А вот Альтюссер рассматривает ленинскую мысль с позиции структуралиста, согласно которой общий феномен разбивается при изучении на «структуры», каждая из которой имеет свое собственное, как бы отдельное значение. Именно поэтому, Луи Альтюссеру вовсе не необходимо рассуждать о ленинской тактике, ему достаточно анализа стратегических позиций вождя революции: неомарксист транспонирует выводы о единичном фрагменте на содержание целого. В данном обстоятельстве и сокрыта, по нашему мнению, сущность различия двух представленных подходов.

Однако это не все, на чем бы нам хотелось обратить ваше внимание. Нам представляется интересным порассуждать о роли ленинизма в современном мире, точнее о его влиянии на современном этапе развития неомарксизма. Ведь если широко определять понятие самого течения, то есть видеть в нем любую попытку адаптации идей Маркса, то Ленина

мы также причислим к неомарксистской констелляции. Разумеется, примеров прямого обращения к наследию Владимира Ильича много мы привести не можем, но, с опорой на взгляды Дьердя Лукача и Луи Альтюссера, в наших силах выявить две характерные тенденции во влиянии Ленина. Первая продиктована творчеством Лукача и представляет собой некий практический вариант коммеморации идей отца пролетарской революции. Венгерский мыслитель определяет ленинизм как «небывалую прежде ступень конкретного, несхематичного, немеханического, непосредственно устремленного к практике мышления», а задачей «ленинцев» видит, соответственно, сохранение практического опыта в традиции революционных теорий. Иная тенденция связана с именем Луи Альтюссера. Согласно мнению последнего, ленинская философия представляет собой революционное знание, способное произвести переворот во всей теории гуманитарных наук.

Подводя итог, нам бы хотелось представить третью тенденцию «неоленинизма», в основе которой лежит базовый принцип марксизма: слияние теории и практики. На наш взгляд, в Ленине нельзя усматривать только блестящего политика, тактика, равно как и нельзя акцентировать внимание только на его теоретической работе, стараясь найти тот универсальный рецепт революции, который станет работать в любой культурно-исторической ситуации. Наследие Ленина едино, а при ампутации его части теряется невероятно много, и, как итог, получается лишь карикатура, некий вульгаризм, но никак не достойный анализ гения вождя российского пролетариата.

Источники и литература

- 1) 1. Idem. *La philosophie comme arme de la révolution* // La Pensée. 1968. № 138 2. Луи Альтюссер «Ленин и философия» / Перевод с французского Нина Кулиш. М.: Ад Маргинем, 2005 г. 3. Лукач Г. История и классовое сознание. Исследование по марксистской диалектике. М.: Логос-Альтера, 2003. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.marxists.org/russkij/lukacs/1923/history_class/ 4. Лукач Д. Ленин. Исследовательский очерк о взаимосвязи его идей. – М.: Международные отношения, 1990. 5.11. Маркс К., Энгельс Ф. К критике политической экономии // Собр. соч., изд. 2, т. 13. — М.: Политиздат, 1959. — 771 с.